

Бурыкин А.Н.,
к.э.н., доцент кафедры управления
Института истории и социологии управления
Сахалинского государственного университета
вице-губернатор,
Burykinsfamily@bk.ru

Сахалин в 1905-1945 годах – дихотомия государственного управления освоением территории региона

Русско-японская война 1904-1905 годов, а затем раздел Сахалина между Россией и Японией по Портсмутскому мирному договору 1905 года стали своеобразным рубежом в истории заселения и освоения острова. На протяжении последующих сорока лет развитие северной и южной частей Сахалина происходило совершенно различными путями. Динамичное развитие экономики и колониционных процессов на Южном Сахалине (Карафуто) были абсолютным контрастом тому, что происходило на Северном Сахалине, сотрясавшемся от социальных катаклизмов, охвативших в эти годы всю Россию.

Пока в американском городе Портсмуте шли переговоры о мире, Япония стремилась как можно скорее утвердиться на Сахалине. В военном отношении ей это удалось, сломив сопротивление русских войск и партизанских отрядов. Гражданскому населению, большую часть которого составляли ссыльнопоселенцы, японские оккупационные власти «предоставили возможность» на их судах отправиться в Де-Кастри или остаться на Сахалине, предупредив, однако, что «не заявившиеся до 7 августа о выезде будут обложены податью».[1] И с политической, и с психологической точки зрения это было простое, но эффективное решение. Во-первых, для значительной части сахалинцев это означало неожиданное воплощение давней и заветной мечты – покинуть каторжный остров. Во-вторых, ни о каких податях на Сахалине не знали, и возникает внутренний протест против уплаты налогов. Только с 15 по 21 августа 1905 года японцы высадили в Де-Кастри 9 тыс. человек. Небольшие группы сахалинцев доставлялись в Николаевск-на-Амуре. Часть русского населения, главным образом чиновников, через Японию пароходами вывезли в Одессу.

Власти в Хабаровске и Владивостоке были в ужасе перед лицом нашествия каторжников. Администрация Приамурского генерал-губернаторства прилагала отчаянные усилия для рассредоточения «опасного сахалинского элемента». Ссыльнопоселенцев распределили большей частью в Приморской области и частично в Амурской. Крестьян из ссыльных генерал-губернаторство рекомендовало «пропустить в Западную Сибирь, невзирая на их право оседать в наших областях». Судя по сохранившимся доку-

ментам, из небольшого количества оставшихся к 1905 году каторжан, 494 человека, в том числе 62 женщины и с ними 102 детей, отправили в Забайкалье на Нерчинскую каторгу.[2]

После русско-японской войны восстановление нормальной жизни на русской части острова шло крайне медленно. Обезлюдели многие селения, а часть из них была просто заброшена. Замерла добыча угля в закрывшихся шахтах. Построенные в годы каторги дороги постепенно приходили в упадок, зарастая лесом и покрываясь оврагами. До Сахалина у правительства просто не доходили руки. Потрясенная падением Порт-Артура, поражениями русской армии в Маньчжурии и трагедией Цусимы, Россия оказалась ввергнута в мутный водоворот революционных потрясений 1905-1907 годов. Северный Сахалин с его богатейшими природными ресурсами оказался почти забытым на многие годы правящей верхушкой империи. Справедливости ради стоит заметить, что сразу же после войны на остров был назначен весьма толковый военный губернатор – полковник Генерального штаба А.М.Валуев, имевший большой опыт административно-хозяйственной деятельности.

В конце 1905 года на Северном Сахалине осталось 5,5 тыс. русских жителей (3359 взрослых и 2141 детей) и около 2 тыс. аборигенов. Всего около 7,5 тыс. человек. «Такое бегство объясняется паническим страхом, навевшим минувшей войной, упорно держащимся в населении слухом о новой грядущей войне и вечной мечтой населения о материке, как о земле обетованной», – писал в своем первом отчете А.М.Валуев.[3] Численность русских селений, по сравнению с 1899 годом значительно сократилась: в Александровском округе осталось 14 селений (из 37), а в Тымовском 23 (из 28).[4]

К этому времени каторжные тюрьмы и каторжные работы на Северном Сахалине фактически перестали существовать. Жители «свободного состояния» составляли 79% населения, ссыльнопоселенцы – 20% и только 1% – ссыльнокаторжные. Поэтому законом от 10 апреля 1906 года каторга была формально отменена.[5]

Заселение русской части Сахалина стало главной проблемой дальнейшего развития острова. Но решался он крайне медленно, а самое главное в Санкт-Петербурге преобладал рутинно-бюрократический подход, исключавший учет природных и географических особенностей острова. Упор по-прежнему делался на сельскохозяйственную колонизацию. 7 апреля 1907 года при рассмотрении этого вопроса в Совете министров было отмечено, что все данные, имеющиеся о Сахалине, «не дают возможности ныне же придти к какому-либо определенному заключению о степени пригодности этого острова к земледельческой культуре».[6] Только 13 марта 1908 года император Николай II утвердил положение Совета министров об открытии Сахалина для свободного заселения.[7] Сюда была направлена переселенческая экспедиция под руководством Н.А.Пальчевского. Исследованиями экспедиции 1908-1909 годов земельная емкость всех освоенных территорий определилась в 1,5 тыс. долей 15-десятинного надела для 500 семейств. Направленный царю очередной отчет сахалинского военного губернатора, заканчивался весь-

ма красноречивым обращением: «Ваше Императорское Величество! Призрите заброшенную на край света область в ее вопиющих нуждах:

1) Дайте жизнь обильной естественными богатствами области, в видах развития разработки их и поднятия промышленности, привлечением в область всего до 500 семейств переселенцев;

2) Окажите помощь устройством на первое время, хотя бы пристани, обеспечивающей беспрепятственную нагрузку и выгрузку».[8]

Наследие каторги мешало заселению и развитию экономики. За 1906-1908 годы население Северного Сахалина увеличилось лишь на 359 человек и составляло около 8 тыс. жителей. Из них примерно 1,8 тыс. человек – представители малочисленных народностей Севера. Во «Всеподданнейшем отчете» за 1908 год А.М. Валуев с огорчением отмечал: «Закон о вольном (неорганизованном) заселении Сахалина на практике оказался почти неприменим. Переселенцы неохотно едут на Сахалин по своему почину, за отдаленностью острова, в силу дурной его славы, отсутствия предприимчивости и т.п. За год переселилось всего 10 семейств, часть которых сахалинские же ссыльные».[9]

Проектов улучшения жизни сахалинцев хватало в избытке, но «за неимением средств» все сводилось обычно к административным мерам и писанию бумаг. Один из таких проектов возник в 1907 году. Его суть сводилась к тому, чтобы образовать в составе Приамурского края Охотскую область, в которую Северный Сахалин вошел, был под названием Невельского уезда, а центром области сделать город Невельской, переименовав так пост Александровский. А.М. Валуев, предложивший проект, мотивировал это необходимостью заменить «страшное в народном сознании инородческое имя «Сахалин».[10] Проект развития не получил, хотя кое-какие изменения в системе управления островом произошли. 17 июня 1909 года был принят закон «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина». Была образована Сахалинская область Приамурского края, состоящая из двух участков: Александровского и Тымовского, которой управлял уже не военный, а гражданский губернатор.[11]

Главным фактором некоторого оживления экономической жизни Северного Сахалина в предреволюционные годы стали не усилия правительства, а проявление деловой активности российских предпринимателей, начавших вложение своих капиталов в освоение природных ресурсов. В первую очередь это касалось развития рыбной промышленности и в меньшей мере – полезных ископаемых: угля, нефти, золота и т.п.

Постепенно восстанавливались разоренные войной селения и возникали новые населенные пункты. Основным районом размещения переселенцев стало прежде пустынное северо-западное побережье Сахалина, прилегающее к лиману Амура. В 1909-1910 годах здесь появились селения рыбаков–переселенцев: Рыбное, Астрахановка, Валуево, Верещагино, Лангры, Невельское, Успенка. В 1911-1915 годах были основаны селения Дмитрие–Григорьевское, Луполово, Наумовка, Суворовка. К 1913 г. на Северном Са-

халине проживало 10.373 чел. Из них 7.225 – русские, 2.279 чел. народностей Севера и 869 иностранцев.[12]

Данные о движении населения Северного Сахалина за период с 1906 по 1917 год, представленные в таблице 1, говорят о том, что переселение на остров шло медленно.

Таблица 1

**Численность русского населения Северного Сахалина
в 1906–1917 годах*)**

Годы	Население (чел)	Годы	Население (чел)	Годы	Население (чел)
1906	155000	1909	6424	1913	8094
1907	15850	1911	6811	1914	8227
1908	16209	1912	7567	1917	7250

*) Составлено по: РГИА. Ф.1284. Оп.194. Д.49. Л.5.; Д.73.
4Л.4; Д.64. Л.5; Д.88. Л.5; РГИАДВ. Ф.2441. 4Оп.1. Д.65. Л.95–96.

Для этого существовали объективные причины: суровый климат, трудности доставки переселенцев, отсутствие оборудованных портов, плохое развитие транспортных связей и как следствие – нехватка рабочих рук в промышленности и невозможность сбыть свою продукцию в сельском хозяйстве. Но были, как отмечалось, и причины субъективного характера – слово «Сахалин» не только на Дальнем Востоке, но и везде в России без малого полвека считалось синонимом «ада на земле». Не способствовала переселению и нестабильность международной обстановки накануне мировой войны. В центральной и дальневосточной прессе появлялись «сообщения» о предполагаемой продаже Сахалина. Затем следовали опровержения этих слухов. Но предпринимателей, имевших возможности приложения своих капиталов, а также переселенцев отпугивало то, что «факт принадлежности нам половины Сахалина представляется весьма непрочным», и в случае новой войны он будет захвачен Японией.[13]

Накануне Октябрьской революции по всему Северному Сахалину насчитывалось 48 русских населенных пунктов. В них проживало 7.250 человек. В деревнях и хуторах числилось 5.380 человек (остальные составляли население города Александровска). По волостям население распределялось следующим образом: Михайловская – 818 человек, Тымовская – 2.824 человек, Рыбновская – 1.738 человек.[14]

Данные Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 года свидетельствуют о том, что на острове сложился контингент постоянного русского населения. Из 1.104 крестьянских хозяйств (без города Александровска) – 41,9% было образовано еще до русско-японской войны; 301 (27,4%) крестьянское хозяйство существовало на Сахалине более 20 лет, то есть было образовано до 1896 года.[15]

Таким образом, можно сказать, что и после ликвидации сахалинской каторги царское правительство оказалось неспособно организовать массовое переселение на Северный Сахалин, хотя в 1907-1916 годах для этого и предпринимались определенные усилия. Формирование постоянного, или как то-

гда говорили, «старожильческого населения», происходило стихийно, что особенно показательна на общероссийском фоне. Ведь, как известно, именно в эти годы в России проводилась аграрная реформа, начатая по инициативе выдающегося деятеля России Петра Аркадьевича Столыпина. Особая роль в осуществлении столыпинской реформы отводилась «переселенчеству». Благодаря свободному выходу из общины и возможности легально продать земельный надел расширились масштабы переселения беднейшего крестьянства из центральных губерний в восточные регионы страны. По подсчетам историков, с 1906 по 1916 год в Сибирь, Среднюю Азию и на другие окраины переселилось 3,079 млн. человек.[16] К сожалению, Северный Сахалин остался практически в стороне от этого процесса.

По всей вероятности, в архивах не сохранилось подробных сведений об изменениях в составе населения Северного Сахалина за 1917-1925 годы. Это неудивительно. Периоды бурных политических потрясений и частой смены властей мало располагают не только к ведению систематической статистики, но и к сохранению исторических документов. Февральская, а затем Октябрьская революция в России, затяжная гражданская война и пятилетняя оккупация Северного Сахалина японскими войсками разрушили сложившиеся связи и отношения во всех сферах жизни. Северный Сахалин находился все эти годы почти в полной изоляции и миграционные процессы были как бы «заморожены». По данным за июнь 1925 года здесь насчитывалось чуть более 10 тыс. жителей, из них русское население – 6,9 тыс. человек.[17]

Оценивать качественные характеристики сахалинского населения в этот период довольно сложно, особенно с точки зрения его трудовых ресурсов. Для примера иллюстрации можно сослаться на доклад о политическом и экономическом положении Северного Сахалина, который в апреле 1925 года председатель Сахалинского ревкома Р.А. Шишлянников направил в Хабаровск. Доклад содержит любопытную социально-психологическую характеристику населения: «...Обывательская масса в г. Александровске и своеобразное крестьянство в деревне в большей своей части унаследовали психологию своих предков – бывших поселенцев, живших на Сахалине в режиме развращающих тюремных условий. Рабочих нет. На рудниках русских рабочих – единицы, все больше китайцы, корейцы и японцы. В городе есть мелкие ремесленники. В порту русских грузчиков нет. Пьянство повальное, пьют старики, девушки, парни. Водка 20 коп. бутылка. Общественных организаций нет...».[18]

Таким образом, период с 1895 по 1925 год можно признать потерянным двадцатилетием с точки зрения заселения и хозяйственного освоения Северного Сахалина. Отставание русской части острова в экономическом развитии особенно показательна на фоне успехов, достигнутых Японией в эти годы на Южном Сахалине.

Присоединение к Японии южной части Сахалина вызвало прилив патриотических настроений населения и деловой активности в промышленных кругах этой страны. Японское правительство спешило воспользоваться

плодами Портсмутского мира, поэтому колонизация Южного Сахалина, или как теперь его называли – Карафуто, началась ускоренными темпами.

Около двух лет на Карафуто длился переходный период, когда властные функции на его территории осуществляли представители армии. 31 марта 1907 года военная администрация была упразднена, и власть перешла к «Карафуто-те» (Управление по делам Карафуто), которое управляло японской половиной Сахалина до 1945 года. «Карафуто-те» возглавлял губернатор, обладавший широкими полномочиями, включая вопросы колонизации, контроль над полицией, строительством, налогами, системой образования и здравоохранения и т.д.[19] Административным центром губернаторства Карафуто стал город Тоёхара, строительство которого японцы начали сразу же после войны близ старого русского села Владимировка. Ныне это город Южно-Сахалинск.

К колонизации Карафуто Япония приступила в благоприятной для нее социально-экономической и политической обстановке. После русско-японской войны ее экономика находилась на подъеме. Хотя Япония оставалась, в основном, аграрной страной – в 1913 году 60 % всего населения было занято в сельском хозяйстве – ее индустриальное развитие шло сравнительно быстрыми темпами. За 1905-1913 годы из 3,8 млрд. иен капиталовложений в экономику страны 46,8 % было инвестировано в промышленность. Продолжалось развитие тяжелой индустрии, в частности, металлургической. Выплавка чугуна увеличилась с 145 тыс. тонн в 1906 году до 243 тыс. тонн в 1913 году, а выплавка стали за те же годы выросла с 69 тыс. до 255 тыс. тонн. Количество фабрично-заводских рабочих за 1904-1913 годы увеличилось почти в два раза, и достигла 916 тыс. человек. Продолжался процесс концентрации производства и капитала. Оплаченный капитал всех акционерных обществ Японии повысился с 888 млн. иен в 1903 году до 1983 млрд. иен в 1913 году. Из всего оплаченного акционерного капитала в 1913 году 38 % приходилось на долю крупных компаний с капиталом свыше 5 млн. иен, хотя количественно они составляли всего 0,4 % общего числа компаний и фирм.[20]

К сожалению, значительная часть японских архивов на Южном Сахалине была уничтожена в конце войны. Поэтому имеющиеся источники весьма ограничены в освещении многих аспектов освоения и заселения южной части острова до 1945 год. В данном разделе речь пойдет лишь об основных направлениях формирования населения губернаторства Карафуто.

Одной из главных проблем, с которыми столкнулось японское правительство после 1905 года, была крайняя малочисленность местного населения Южного Сахалина и Курильских островов. Поэтому японские власти приступили к их заселению переселенцами из Японии, а в дальнейшем – из Кореи. Следует отметить, в этот период Курильские острова, в административном отношении, не были связаны с губернаторством Карафуто и выделялись в отдельную провинцию Тисима, население которой росло крайне медленно. К 1939 году здесь проживало всего 18 тыс. японских переселенцев.[21]

Как и в северной части острова, японские власти быстро решили судьбу русского населения бывшего Корсаковского округа, отправив его пароходами на материк. В конце 1905 года на японской половине острова осталось около 500 русских подданных.[22]

К заселению южной части острова японское правительство приступило почти сразу же после заключения Портсмутского договора. К осени 1905 года прибыло и зимовало на юге Сахалина около 2 тыс. японцев, но последующие годы японское население быстро увеличивалось, главным образом, за счет крестьян–переселенцев и рабочих, приезжавших на рыбные промыслы. В 1907 году здесь проживало уже 20,5 тыс. человек, в 1913 году – 42,6 тыс. человек. Всего же первые пятнадцать лет колонизации японское население Карафуто выросло более 20 раз и к 1920 году составило 105,9 тыс. человек.[23]

В этот период основные усилия правительства были направлены на крестьянское переселение, позволившее в относительно короткий срок создать сельскохозяйственную базу дальнейшей колонизации Карафуто. К весне 1908 года в южной части острова было измерено 52,4 тыс. акров земли пригодной для обработки и 45,8 тыс. акров для пастбищ. Наделяя крестьян–переселенцев землей, правительство не оказывало им какой-либо помощи. Существовала лишь договоренность с пароходными и железнодорожными компаниями о перевозке иммигрантов на Карафуто по удешевленным тарифам. На месте Карафуто-тё рекомендовало для аренды, прежде всего, участки по юго-западному побережью и на берегу залива Анива. Интересно отметить, что к переселению допускались не все желающие. Во-первых, по правилам от переселенцев требовалось согласие остаться на Карафуто на постоянное жительство. Кроме того, каждая семья должна была иметь не менее двух работоспособных для земледелия. Во-вторых, они должны были иметь средства на проезд, пропитание и приобретение сельскохозяйственного инвентаря. В 1908 году первые переселенцы обратились к правительству с петицией, в которой изложили свои нужды и просили улучшить их положение.

Несколько позднее управление губернаторства Карафуто, заинтересованное в ускорении колонизации, пошло на расширение льгот для переселенцев. В систематизированном виде они выглядели следующим образом:

1) полученный в бесплатную аренду участок от 5 до 7 цию (1 цию = 0,91 дес.) земли через пять лет становился собственностью семьи переселенца, которая его обрабатывала;

2) переселенцам выделялся на льготных основаниях домашний скот, и разрешалось бесплатное пользование пастбищем;

3) в первый год хозяйствования они получали бесплатно семена зерновых и картофеля;

4) для переселенцев действовала система различных субсидий от казны на приобретение домашних животных и иностранных земледельческих орудий, а также на строительство жилья. Существовали и некоторые другие льготы, например, в использовании лесоматериалов и т.п.[24]

В период между первой и второй мировыми войнами Карафуто играл заметную роль в системе японских колоний в качестве источника сырья для ее монополий. Высокие прибыли привлекали сюда крупнейшие монополистические группировки – «Мицуи», «Мицубиси», «Нитиро Мокудзай», «Акита Мокудзай» и другие. В 1939 году японские инвестиции в экономику Карафуто исчислялись в 0,7 млрд. иен и составляли около 5 % всех внешних активов Японии, а к 1945 году выросли до 0,8 млрд. иен.[25] Освоение природных богатств потребовало значительного количества рабочей силы, дав мощный толчок массовому переселению и, как следствие этого, образованию многих населенных пунктов – городов и промышленных поселков.

Приступив к освоению Карафуто, правительство и губернаторство уделяли самое серьезное внимание развитию транспортных коммуникаций и средств сообщения. Сорокалетний период японской колонизации стал важным этапом зарождения и развития железнодорожного транспорта на Сахалине. К 1945 году протяженность основных линий государственных железных дорог в южной части острова составила 700,4 км. Строительство магистралей осуществлялось в сложных рельефных условиях горно-лесистой местности; на всем протяжении железнодорожного пути имелось более 120 станций, 24 тоннеля, 618 мостов и сотни других инженерно-технических сооружений.[26] Сеть шоссейных дорог связывала Тохару с портами и основными промышленными районами. Вдоль железнодорожных магистралей существовала сеть побочных дорог, как шоссейных, так и проселочных, связывавших станции с небольшими поселками и хуторами.

Традиционно ведущей отраслью экономики Южного Сахалина и Курильских островов была рыбная промышленность. Добыча рыбы в водах Южного Сахалина не была стабильной. Максимальное количество выловленной рыбы приходится на 1931 год, когда было добыто около 620 тыс. тонн.[27] В акватории Курильских островов ежегодно вылавливалось от 30 до 80 тыс. тонн рыбы.[28]

Уже в первые годы после русско-японской войны развитие добычи рыбы и морепродуктов стало причиной роста таких городов как Отомари (Корсаков), Хонто (Невельск), Маока (Холмск) и других населенных пунктов вдоль побережья. Однако в целом определить роль рыбной промышленности в формировании населения Карафуто довольно сложно. Судя по имеющимся источникам, количество и состав местного населения Карафуто, занятого в рыбной промышленности был относительно небольшим (таблица 2).

Таблица 2

Численность рабочих, занятых в рыбной промышленности Южного Сахалина (по данным на конец 1943 г)

Население	Западное побережье	Восточное побережье	Залив Анива	Всего
-----------	--------------------	---------------------	-------------	-------

Население с основным занятием в рыболовстве	12594	1916	8820	23330
Население, для которого рыболовство было основным занятием	1604	453	1103	3160
Всего рыболовецкого населения в поселках и прибрежных городах, занятого в промышленности	14198	2369	9923	26490
В том числе:				
Мужчин	7916	1258	5193	14367
Женщин	6282	1111	4730	12123

Сост. по: Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно-Сахалинск, 1958. С.40

Но сезонный характер организации прибрежного лова требовал участия на добыче и обработке рыбы большого количества рабочих. Поэтому в период весенне-летней путины население Карафута и Курильских островов резко увеличивалось. В отдельные годы численность людей, занятых на путине, достигала 65 тыс. человек, как это было, например, в 1940 и 1944 годах. Основную массу рабочих составляли квалифицированные рыбаки-сезонники, приезжавшие из Японии, а также рабочие, привлекавшиеся на путину из других отраслей экономики Карафута. Завоз рыбаков-сезонников колебался в разные годы от 10 до 18 тыс. человек; из других отраслей промышленности и сельского хозяйства привлекалось до 20 и более тыс. человек.[29] Более заметной является роль рыбной промышленности в заселении Курильских островов. Здесь к середине 40-х годов существовало около 120 японских населенных пунктов,[30] большинство населения которых так или иначе было связано с добычей или обработкой рыбы и морепродуктов.

В 20-е годы началась интенсивная разработка лесных богатств Южного Сахалина. Это было вызвано растущим спросом на лес и пиломатериалы в Японии и строительством целлюлозно-бумажных заводов и железных дорог на Карафуте. Запасы леса на юге острова к 1905 году были практически нетронутыми и исчислялись в 834 млн. кубометров.[31] О роли южносахалинского леса в экономике Японии говорит тот факт, что около трети древесины на японском рынке поступало с Южного Сахалина, а в 1926 году его доля составила 48,2 %. Только за 1921–1926 годы Япония вывезла леса с Карафута в 30 раз больше, чем из Кореи, и в 80 раз больше, чем с Тайваня.[32] Главным потребителем сахалинского леса была целлюлозно-бумажная промышленность.

Строительство целлюлозно-бумажных фабрик, несомненно, оказало заметное влияние на характер заселения Карафута в 20-е годы:

Во-первых, эти предприятия требовали значительного привлечения квалифицированной и, следовательно, постоянной рабочей силы;

Во-вторых, сами фабрики стали одним из мощных градообразующих факторов. В конце 1914 года фирма «Оози» построила целлюлозно-

бумажную фабрику в Отомари (Корсаков). Пять лет спустя, в сентябре 1919 года, вступила в строй бумажная фабрика в порту Маока (Холмск), а в феврале 1922 года – в городке Нода (Чехов). Всего же к середине 30-х годов на территории Карафутто действовало восемь таких предприятий. В 1941 году целлюлозно-бумажные фабрики Карафутто достигли своей наивысшей производительности, выпустив 201,4 тыс. тонн бумаги и 214 тонн целлюлозы, что составило 70 % общего объема этой продукции в Японии.³³ При целлюлозно-бумажных фабриках возникали промышленные поселки, ставшие вскоре городами – Нода (Чехов), Томариору (Томари), Усутору (Углегорск), Сикука (Поронайск), Сиритору (Макаров), Отиай (Долинск).

Однако развитие лесной и целлюлозно-бумажной промышленности имело и серьезные негативные последствия. Известно, насколько основательно прорабатываются в современной Японии проблемы экологии. В 20-30-е годы на юге Сахалина было все иначе. В этом, пожалуй, наиболее рельефно проявился колониальный подход к освоению природных богатств острова. Хищнические вырубки и частые лесные пожары привели к тому, что за 40 лет лесные ресурсы Южного Сахалина сократились в 3,5 раза, с 834 до 235 млн. кубометров.^[34]

Важной предпосылкой развития промышленности Карафутто было наличие значительных запасов каменного угля, добыча которого началась с 1909 года и росла быстрыми темпами. Если в 1909 году было добыто лишь 4,6 тыс. тонн угля, то в 1920 – 154 тыс. тонн. С 1930 по 1940 год добыча возросла в почти 10 раз, с 0,65 до 6,3 млн. тонн. Наибольшая добыча была достигнута в 1941 году – 6,6 млн. тонн. В том же году оккупированный Тайвань дал 2,8 млн. тонн угля, Корея – 6,8 млн. тонн, Маньчжурия – 24 млн. тонн. Таким образом, накануне тихоокеанской войны Карафутто дал 16,4 % добычи угля всех японских колоний, заняв среди них третье место. Всего же за годы своего господства японцы добыли на Южном Сахалине более 48 млн. тонн и вывезли около 18 млн. тонн угля.^[35] По темпам развития угольной промышленности и объемам добычи Карафутто значительно превосходил Северный Сахалин.^[36]

Следует отметить, что в первые годы основные угольные месторождения Карафутто считались «резервными» и только в 20-е годы, с развитием целлюлозно-бумажной промышленности, правительство частично сняло ограничения на их разработку. В начале 30-х годов здесь эксплуатировалось уже около 20 шахт, а к 1940 году их число достигло 30.^[37] В этот период угледобывающие предприятия стали базой создания нескольких десятков новых населенных пунктов, таких как города Торо (Шахтерск), Найхоро (Горнозаводск), шахтерские поселки Нисисакутан (Бошняково), Китакадзава (Тельновский), Тайхэ (Ударный), Тайэй (Угольный), Минами-Найоси (Шебунино), Найбути (Быков), Хигаси-Найбути (Углезаводск), Каваками (Синегорск) и многие другие.

Без преувеличения можно сказать, что 20-30-е годы стали временем экономического расцвета Карафутто. Наряду с крестьянским переселением и рыбаками-сезонниками, для работы в промышленности и дорожном строи-

тельстве завозились по вербовке крупные партии рабочих из самой Японии, а также из Кореи и Маньчжурии. Часть из них оставалась на постоянное жительство. С 1920 по 1930 год население губернаторства Карафуту увеличилось почти в три раза и составило 293 тыс. человек. В этот период стремительно растут города, появляются десятки промышленных поселков и сотни небольших крестьянских селений. Тенденция к росту населения за счет переселенцев сохранялась и в дальнейшем. В 1940 году на Карафуту проживало 415 тыс. человек.[38]

Стоит отметить, что примерно до середины 30-х годов развитие рыбной и целлюлозно-бумажной промышленности, а также строительство портов и железных дорог стимулировали в первую очередь рост приморских городов как Отомари (Корсаков), Маока (Холмск), Хонто (Невельск). По сравнению с ними первые пятнадцать-двадцать лет даже административный центр Карафуту город Тохара строился несколько медленнее. Но благодаря энергичным усилиям губернаторства и городского муниципалитета столица Карафуту заметно отличалась от других городов и населенных пунктов лучшим благоустройством. К середине 1945 года население Тохары составляло 41,7 тыс. человек.[39]

Примечание:

¹ РГИАДВ. Ф.702. Оп.5. Д.638. Л.18, 65, 163.

² Там же. Л.180.

³ РГИА. Ф.1284. Оп.194. Д.88. Л.5.

⁴ РГИАДВ. Ф.702. Оп.5. Д.663. Л.93 об.

⁵ Сенченко И.А. Очерки истории Сахалина. С.70, 74.

⁶ РГИАДВ. Ф.702. Оп.5. Д.663. Л.1

⁷ Там же. Л.56.

⁸ РГИА. Ф.1284. Оп.194. Д.49. Л.3.

⁹ Там же. Д.73. Л.4.

¹⁰ Там же. Д.64. Л.10.

¹¹ Крушанов А.И. Административное устройство Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Материалы по истории Владивостока. Кн.1. (1860–1917). Владивосток, 1960. – С.40.

¹² Обзор Сахалинской области за 1913 год. Пост Александровский, 1914. – С.1.

¹³ Проект продажи Сахалина // Восточное Поморье. 1910. N 4. – С. 2; Опровержение слухов о продаже Сахалина // Восточное Поморье. 1910. N 8. С.2.

¹⁴ РГИАДВ. Ф.2441. Оп.1. Д.65. Л.96.

¹⁵ Всероссийская сельско-хозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. ... С.182.

¹⁶ Советская историческая энциклопедия. Т.13. М.: «Сов. энциклопедия», 1971. – С.846.

¹⁷ Советский Сахалин. 1926. 21 января.

¹⁸ Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917–1925 гг.): Сборник документов и материалов. Южно-Сахалинск, 1959. – С.251.

¹⁹ Стефан Д. Сахалин. история // Краеведческий бюллетень. – 1992. – С.67.

²⁰ Эйбус Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. – С.79–80.

²¹ Высоков М.С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении. Южно-Сахалинск, 1994. – С.81.

-
- ²² Б.П. Южный Сахалин под властью японцев // Природа и люди Дальнего Востока. 1906. N 5. С.3–5.
- ²³ Стефан Дж. Указ соч. С.90; Ленин В.И. Тетради по империализму. Полн. собр. соч. Т.28, С.282; Погребецкий А.И. Экономические очерки современной Японии. Харбин, 1927. – С.99.
- ²⁴ Лопачев А.М. Из истории японской колонизации на Южном Сахалине // Вопросы всеобщей истории: Сборник статей. Хабаровск, 1972. – С.228–245.
- ²⁵ Высоков М.С. Южный Сахалин и Курильские острова в системе японских колоний // Краеведы ведут поиск: Сборник статей. Южно–Сахалинск, 1985. – С.70.
- ²⁶ Костанов А.И. Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги. М., 1997. – С.40.
- ²⁷ Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно–Сахалинск, 1958. – С.15,18.
- ²⁸ ГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.10. Л.2.
- ²⁹ Чернявский Г.И. Заметки о развитии рыбной промышленности Сахалина и Курил. Южно–Сахалинск, 1958. С.39.
- ³⁰ Административно–территориальное деление Сахалинской области: Документы и материалы. С.68–70.
- ³¹ Ли Бен Дю. Хищническая эксплуатация лесных богатств Южного Сахалина в годы японской оккупации // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973. С.186.
- ³² Хозяйство Японии и Китая в 1927 году. Хабаровск, 1928. – С.49.
- ³³ ГАСО. Ф.171. Оп.1. Д.4. Л.26.
- ³⁴ Там же. Л.22.
- ³⁵ Коен Дж. Военная экономика Японии. М., 1951. – С.167–168; ГАСО. Ф.171, Оп.1. Д.9. Л.6–7.
- ³⁶ Наивысшая добыча угля на Северном Сахалине была также достигнута в 1941 году и составила всего 644,0 тыс. тонн, т.е. почти в 10 раз меньше, чем на Карафуто (См.: Шалкус Г.А. Основные показатели развития промышленности Северного Сахалина в 1925–1945 годах // Краеведческий бюллетень. 1996. N 11. – С.93–96.
- ³⁷ Ли Бен Дю. Южный Сахалин и Курильские острова в годы японского господства (1905–1945 гг). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. М., 1975. С.12.
- ³⁸ Попов К. Сахалин, Курильские острова. М.–Л., 1945. – С.5.
- ³⁹ ГАСО. Ф.171. Оп.3. Д.7. Л.50.